

ПОЗНАНИЕ, ОБЩЕНИЕ, ЯЗЫК

Е.Н. Шульга

Эпистемологический контекст проблематики предпонимания

Предпонимание в обычном, обыденном смысле слова ассоциируется нами с тем, что предшествует ясности понимания чего бы то ни было: текста, слова, отдельной фразы, реплики, жеста, знака; наконец, подтекста, кроющегося в этих знаках, жестах или фразах. Предпонимание переживается и осознается человеком самостоятельно и составляет важную сторону его внутренней психической и духовной жизни. Психологический акт предпонимания протекает одновременно с познавательной деятельностью и является элементом когнитивного процесса мышления. При этом сознание фиксирует и сохраняет в памяти субъекта содержание всего того, что предшествует пониманию и тем самым делает адекватным понятое. Но и само содержание понятого является результатом, суммирующим деятельность предшествующего опыта понимания и познания в его чистом виде.

Этот внутренний, интересубъективный опыт предпонимания разворачивается чаще всего в виде соответствующих стереотипов обыденного сознания прежде всего через осознание того, что может быть «схвачено» в качестве понятого и что согласуется со стереотипными и наиболее приемлемыми для данного индивида ментальными состояниями. Например, представлениями, понятиями или даже заблуждениями, т. е. через все, что составляет индивидуальный внутренний опыт, который воспринимается человеком как объективная реальность, соответствующая опыту познавательной деятельности в самом широком смысле этого слова.

Таким образом, абсолютно понятным является для нас то, что согласуется с ментальными стереотипами (образами, понятиями, мнениями, предубеждениями, догадками), воспринятыми из окружающего мира и сформированными предшествующим индивидуальным опытом познавательной и социокультурной деятельности, в том числе (а быть может, и в первую очередь) осуществляемой в нашей повседневной жизни.

Эпистемологический смысл понимания. Реальность предпонимания

Человек познает и одновременно осознает то, что он познает. При этом ассоциативное мышление усваивает культурные и социальные стереотипы, что делает их узнаваемыми и адекватными.

«Узнавание» (или опознание) знакомых элементов действительности (имен предметов и вещей, знаков, символов) окружающего мира оказывается возможным благодаря способности к его целостному восприятию. Причем отдельные элементы мира воспринимаются человеком в их целостности только как адекватные тому, что воспринято, прочувствовано в процессе его телесного контакта с другими людьми, т. е. благодаря социальным контактам и коммуникации.

Первоначальное знакомство с внешним миром начинается с узнавания интонаций голоса матери в младенчестве и вплоть до понимания привычных слов и разного рода «команд», направленных на обучение правильному восприятию и адекватному поведению в раннем детстве. Например, команды типа «дай игрушку», «открой ротик», «ешь», «закрой глазки», «спи», «не плачь» и т. п. предполагают определенный уровень понимания их со стороны ребенка. Адекватность ожидаемой реакции при этом (поведение ребенка) зависит от того, адекватно ли понято и усвоено им соотношение: имя – предмет – действие; узнаваемы ли имя предмета, слово и действие, которые уже сформировались в качестве определенного образа и образца поведения. Во всех случаях матери ясно, что правильная реакция ребенка свидетельствует о том, что он ее понимает. И хотя наука признает тот факт, что понимание приобретается нами в процессе освоения языка

и развития мышления, любящая мать всегда будет настаивать на том, что ее дитя «понимает» ее, хотя не умеет еще выразить это понимание словами.

Точно так же мы приписываем определенную долю понимания тем домашним животным, которыми себя окружаем и с которыми активно общаемся, называя их ласковыми именами, давая конкретные команды и требуя тем самым их выполнения. Мы склонны думать и утверждать, что прирученные нами домашние животные – кошки или собаки, «чувствуют», «знают», «ценят» нас и «все понимают». Тем самым мы придаем этим словам смысл, основанный на, казалось бы, очевидных фактах нашего наблюдения за повседневной жизнью наших домашних питомцев – смысл обыденный, не научный и, уж конечно, не философский. Рассуждая о безмолвном понимании домашних животных, мы хотим тем самым подчеркнуть тот факт, что между нами и нашими домашними животными существует определенный психологический контакт и в границах этого устанавливаемого нами контакта (контекста взаимоотношений) осуществляется наше, человеческое понимание нужд домашних питомцев. Встает вопрос: можем ли мы «безмолвное понимание» животных квалифицировать как наличие у них *пред-*понимания?

Следует отметить, что новейшие результаты зоопсихологии, социобиологии, биополитики, эволюционной эпистемологии представляют богатый материал для рассмотрения границ мышления и условий адаптации домашних и диких животных к той искусственной среде, в которой они вынуждены обитать. Но вряд ли мы найдем в этих науках указания на необходимость рассматривать проблему «понимания» таких животных, поскольку понимание рассматривается исключительно как фактор человеческого мировосприятия и имеет непосредственное отношение к восприятию языка и речи в коммуникативном и межличностном общении.

Тем не менее животные иногда могут с поразительной точностью имитировать звуки человеческой речи и способны воспринимать интонационные нюансы обращенных к ним отдельных выражений и даже узнавать (понимать?) значение некоторых слов. И хотя «животные своего языка не имеют, – как пишет, например, Р.М.Грановская, – наиболее высокоразвитые из них (горил-

лы и шимпанзе) до некоторой степени могут овладеть пониманием человеческого языка, но только в модификации глухонемых. Исследования последних лет показали, что шимпанзе тоже способны формулировать понятия и оперировать ими. Так, шимпанзе Джулия, чтобы добраться до лакомства, научилась выворачивать из крышки ящика шурупы специальной железкой, имеющей сточенный, как у отвертки, край. Когда обезьяна хорошо овладела этой процедурой, ей был предложен на выбор большой набор инструментов, который включал две настоящие отвертки. ...Джулия уверенно выбрала отвертку на основании осмотра и не прибегала к опробованию. Она знала, какими качествами должен обладать нужный ей предмет. Таким образом, наши представления о возможностях животных постепенно расширяются»¹.

Внимательно перечитав приведенную цитату, не сложно заметить, что Грановская, в описании поведения шимпанзе прибегает к словам с конкретным смысловым содержанием: *научилась, овладела, уверенно выбрала, знала*. Однако следует подчеркнуть, что эти слова не стоит понимать буквально, но лишь в том смысле, что овладение всеми вышеперечисленными качествами происходит лишь *до некоторой степени* и при условии, что обезьяна будет *обучена* экспериментатором. Иначе говоря, шимпанзе до некоторой степени обучилась, до некоторой степени овладела, до некоторой степени знала. Ясно становится, что навык, полученный обезьяной в процессе такого обучения, не должен быть квалифицируем как элемент того же самого знания, которым владеет экспериментатор. На уровне эксперимента не происходит обмена знаниями в той мере, как это происходит с людьми в процессе взросления, обучения и коммуникации.

Итак, используя термин «понимание» и по отношению к человеку, и по отношению к животным, мы тем самым вынуждены признать факт существования феномена понимания. Остается открытым вопрос о правомерности рассмотрения «понимания» животных как эволюционно обусловленное *предпонимание*. Закономерным образом возникает также и ряд других вопросов. Во-первых, является ли доречевое понимание ребенка предпониманием? Во-вторых, правомерно ли использование понятия предпонимание по отношению к животным, или только к человеку? В-третьих, существует ли определенное соотношение между пред-

пониманием и пониманием и если это так, то каково участие предпонимания в процессе понимания и познания? Наконец, каково значение феномена предпонимания в познавательной и социокультурной деятельности человека?

Прежде всего отмечу, что рассматривая человеческое сознание с точки зрения этапов становления процесса осознания в качестве понимания или даже предпонимания, мы должны учитывать те психические процессы, которые сопутствуют раскрытию сущности этого процесса. Психические процессы, проявление которых мы выделяем в качестве феноменов, наблюдая за развитием ребенка – восприятие, память, внимание, речь, мышление и эмоции, – являются различными гранями сознания. Сознание объединяет в себе все эти психические процессы и не может существовать без любого из них. Практически все психические процессы вносят свой вклад в специфику организации сознания, но именно благодаря сложному процессу взаимодействия эмоций, мышления, памяти и, в особенности, речи формируется сознание. Таким образом, вопрос происхождения предпонимания непосредственно связан с выходом на фундаментальный уровень исследования становления сознания в его онто- и филогенезе.

«Безмолвное понимание» со стороны ребенка, которое мы от него ожидаем с первых дней его жизни (речь идет о так называемом фонетическом периоде развития речи, когда ребенок издает отдельные звуки и артикулирует первые слова), может быть квалифицировано не как факт пробудившегося сознания, но как специфическое проявление врожденной приспособляемости к внешнему миру. Эта врожденная способность проявляется в определенных активных действиях (плач, лепет, спокойное бодрствование, сон), которые понимают и интерпретируют окружающие. Например, плач ребенка воспринимается матерью не только как сигнал или призыв о помощи, но и как выражение его каких-то внутренних, эмоциональных переживаний.

К слову замечу, что современная психология рассматривает переживание как важную ступень в становлении полноценной психики человека. Более того, переживание – это генетически более древняя психическая функция, чем познание. Зачаточные формы переживания свойственны и животным. Но в отличие от них человек умеет выразить свои переживания словами; он

учится также сопереживать и сочувствовать другим, строя взаимоотношения, вступая ради них в различного рода социальные контакты и строя отношения, присущие только человеку. В этом смысле о понимании одного человека другим мы говорим, подразумевая *взаимопонимание*, на которое каждый из нас рассчитывает по мере взросления.

Потребность во взаимопонимании, так же как и сама способность «понимать нечто» – универсальное свойство человеческой природы. Формирование этого качества обусловлено социальными факторами, но как свойство души оно независимо от того социального статуса (положения в обществе), которое достигает та или иная личность. И того, кто ищет понимание другого, а не самоутверждения, должен быть готов к признанию собственных ошибок, которые могут быть следствием заблуждений, предрассудков, неподтвержденных ожиданий и предположений.

Тем не менее адекватность понимания самого себя возникает не раньше, чем человек начинает рефлексивно осознавать (понимать) себя в семье, группе, обществе и государстве. Говоря другими словами, мир понимает нас значительно раньше, чем мы начинаем понимать и осознавать себя частью этого мира, ассоциируя или отделяя себя от всего того, на что направлено наше внимание.

Повседневный опыт узнавания и размышления – сфера понимаемого и понятого – расширяется за счет появления новых суждений о тех объектах, на которые направлена наша рефлексия. Поэтому приставка *пред* (понимание, суждение, убеждение, рассудок), по моему мнению, удачно подчеркивает смысл этих понятий, указывая на *предварительность* чего-то, что является результатом индивидуального переживания и что фиксируется (или находит отражение) в сознании, являясь одновременно результатом активной понятийной деятельности мышления.

Приставка *пред* указывает также на возникновение некоторого суждения о предмете, но только тогда, когда мы размышляем о предмете в терминах рациональности. Эти субъективные суждения воспринимаются как одномоментные и целостные. Целостность восприятия переживаемого (предпонимание смысла) становится возможной благодаря действию сложного механизма взаимодействия психофизического, эмоционального и рационального элементов процесса мышления и познания.

К сожалению, сама проблематика предпонимания, в особенности, рассматриваемая в контексте современной эпистемологии, практически не обсуждается отечественными представителями философской мысли. О предпонимании упоминают лишь те представители классической философской герменевтики и в тех редких случаях, когда появляется необходимость выявить и обосновать методику получения смысла при истолковании и интерпретации текста. Философская герменевтика использует понятие предпонимание также и в более широком контексте, для обоснования методологии понимания. Поэтому я вижу необходимость сначала выявить смысл, придаваемый понятию предпонимания, чтобы затем определить границы его когнитивного участия. При этом я буду опираться на такие герменевтические концепции, в которых пониманию и предпониманию придается ценностное значение и социально-культурная направленность. Речь идет, в первую очередь, о концепции Макса Шелера, который вводит понятие *предубеждение*; Фридриха Шлейермахера, определяющего место предпонимания в основании коммуникации; Мартина Хайдеггера, исследующего фундаментальные основания смысла; Ганса-Георга Гадамера, выделяющего *предсуждения* в качестве условия понимания и других философов.

О понятии «предпонимание» и границах его использования

Следует отметить, что оригинальные термины, являющиеся основой конструкции понятия «предпонимание», содержат приставку *vor* в словах *Vorkonstruktionen* – «предварительные конструкции», *Vorstukturierung* – «предструктуризация» или *Vorwurf* – «предварительный проект». В данной моей работе приставка *пред-* используется в отношении русских слов и понятий: понимание, суждение, рассудок, убеждение, поскольку она удачно подчеркивает смысл предварительности (предшествования) и необходимости задумываться. Кроме того, способность понимать, индивидуально присущая субъекту, предполагает существование феномена предпонимания, на которое явно указывают такие особенности душевной организации личности, как умение «вчув-

становаться», «войти в положение» другого, «вжиться» в круг его жизненных проблем и т. п. Например, о человеке, который нас не понимает или по каким-то причинам не хочет «войти в наше положение», т. е., проще говоря, «не контактен», мы говорим, что он «плохо социализируется». Такой социальный контекст проблемы понимания и предпонимания, в которой понимание приобретает новый смысл и рассматривается как результат социальной коммуникации (например, умение общаться с людьми, адаптироваться к группе и жить в обществе), является результатом действия многих причин, но также и следствием внутренне развитого понимания.

Философская герменевтика широко использует аналогичные понятия для объяснения конкретной идеи, отдельного фрагмента или всего текста в целом. Однако в герменевтике понятия «вживание», «вчувствование», «вхождение в контекст» адекватны феномену предпонимания в теории понимания, соотнесенной с интерпретацией текстов. Напомню, что герменевтическому пониманию свойственна неразрывность интерпретации смыслов и их конструирования. Поэтому здесь предпонимание выступает одновременно как категория описания, выяснения и одновременно как элемент воссоздания смысла. Этот термин указывает также на возникновение смысла в индивидуальном переживании в последовательных фазах символической интерактивности (взаимодействия) людей.

Адаптация предпонимания в социологии представляется уместной и вполне закономерной, поскольку субъективный акт предпонимания присутствует в момент процесса интерактивной интерпретации, когда происходит переложение субъективно переживаемого (восприятия) на понимание интересубъективного смысла. Возникает коммуникация в ее субъективном восприятии и осознании. Однако этот же акт предпонимания в смысле внутренне переживаемого понятого и осознаваемого смысла того, что понято может препятствовать успешной коммуникации. В любом случае, с точки зрения субъективного происхождения, возможность интерактивности в коммуникации является результатом открытости субъекта к интерактивному восприятию контекста акта коммуникации.

Рассуждая дальше в этом направлении, можно предположить, что предпонимание и как данность, и как акт сознания наиболее отчетливо осознается в тех случаях, когда требуется полнота понимания так называемого *совокупного знания*. Речь идет, в частно-

сти, о знании, которое скрыто за наблюдаемыми знаками внешнего мира или более сложными символами. Скорость истолкования (моментального схватывания и понимания) смысла наиболее простых и узнаваемых знаков и символов проявления внешнего мира определяет и часто направляет поведение человека, опосредуя тем самым ту или иную реакцию на воспринятый и адекватно понятый им знак. И хотя мы не можем детально описать весь механизм специфического проявления различных ментальных состояний в качестве реакций на моментально схваченный нами смысл воспринятого знака – назовем его *событием понимания*, едва ли можно сомневаться в том, что следующее за ним физическое поведение является следствием такого рода реакции. Поэтому вместо постулирования специфических ментальных состояний, стоящих за физическим поведением, уместно будет постулировать их как *события предпонимания*, используя для этого простейший аргумент – неоспоримость факта предпонимания в деятельности нашего мышления и теоретического познания.

Итак, предпонимание как явление можно рассматривать двояко. Во-первых, как психический феномен, относящийся к области так называемых *умственных сущностей*. Однако «умственные сущности» не являются необходимыми для обоснования той или иной теории, поэтому я их здесь рассматривать не буду – исследование их может быть делом психологов. Во-вторых, предпонимание можно рассматривать как промежуточное звено сложного акта понимания или его «первое основание». Но и в этом случае перед нами оказывается категория, относительно которой, в конце концов, все равно ничего нельзя установить окончательно. Встает вопрос: как соблюсти необходимый уровень фундаментальности исследования проблематики предпонимания и при этом не потерять из вида обоснование и систематизацию характеристик предпонимания в самых разных его аспектах проявления?

Проблема предпонимания традиционно связывается с обоснованием методологии истолкования и интерпретации, развиваемой, как было уже отмечено, философской герменевтикой, а также и феноменологией. Последняя использует категорию предпонимания применительно к деятельности рассудка – осознанию или осмыслению, и здесь мы вторгаемся в область скрытых предпосылок самого философского мышления, для которого предпонимание

должно рассматриваться как одно из основополагающих, фундаментальных понятий эпистемологии как теории познания. С другой стороны, рассматривая предпонимание как некую методологическую составляющую процедуры интерпретации, мы невольно попадаем в тот герменевтический круг, из которого, условно говоря, как раз и вышла рассматриваемая категория. В связи с этим следует подчеркнуть, что философско-герменевтический аспект рассмотрения предпонимания – явно не единственный. Многоаспектность участия предпонимания в концептуальных и теоретических построениях зависит от уровня анализа, на котором осуществляется адаптация данного понятия к исследовательскому процессу в целом, рассматриваемому (во всех гипотетически возможных случаях) как процесс когнитивный, где предпонимание будет означать не просто выход на фундаментальный уровень, но также:

(1) предельную точку между некоммуникативным восприятием и диалогически конструируемым смыслом;

(2) предрасположенность субъекта к принятию ориентации на интерсубъективные смыслы;

(3) отличительную особенность в созданном интерактивном процессе дискурса.

Следует обратить внимание еще на одно обстоятельство. Как можно увидеть, на появление предложенной тройственности подхода к изучению предпонимания накладывается второе измерение – круга. Эта особенная «круговая» концептуализация предпонимания возникает вследствие герменевтического происхождения самой проблемы понимания и предпонимания. Философско-герменевтический смысл предпонимания таков, что позволяет рассматривать предпонимание и в более широком контексте, анализируя движение смысла в процессе общения (или коммуникации). Поэтому я убеждена в том, что «круговая» концептуализация предпонимания дает надежду на поднятие степени адекватности описаний интерактивной деятельности до той же самой деятельности, но понимаемой в терминах смыслов, которые используют ее участники. Такое использование термина *предпонимание* может, в свою очередь, быть полезным в формулировании ответа на вопрос о процедуре конструирования, подтверждения и согласования чувства существования (сопричастности жизни) в действительности определенного порядка. Это ни что иное как ощущение человеком (людьми) некой социальной упо-

рядоченности событий (с ним происходящих), что в конечном итоге приводит к самому общему вопросу, решение которого непосредственно связано с интерактивной теорией общества: *как возможно предпонимание?*

Вокруг этого последнего вопроса пылают самые жаркие споры и контroversии в среде теоретиков интеракционизма. Опуская их описание, отмечу только, что все дискуссии по поводу проблемы интерактивности, рациональной коммуникации и т. п. наводят на мысль о необходимости расширения понятийного аппарата теории понимания за счет включения в нее категории предпонимания. Тем самым проблематика предпонимания оказывается актуальной не только для нужд развития герменевтики и эпистемологии в целом (по отношению к которой некоторые теории и герменевтические концепции являются находящимися внутри данной предметной области философии), но одновременно и для нужд развития феноменологии и даже для социологии.

Именно для социологического комплекса теорий предпонимание оказывается той категорией, участие которой может сыграть важную теоретико-познавательную и эвристическую роль. Например, при разработке теоретического аппарата символического интеракционизма; при анализе категории рациональности, коммуникативного символа и дискурса в сопоставлении с проблематикой интерактивного процесса. Результатом подобного сопоставления может стать выделение и обоснование фундаментальных ограничений, структурирующих дискурс интерактивного процесса. Наконец, особые надежды, связанные с рассмотрением концептуальной сферы предпонимания и ее возможного перенесения на другие сферы научно-теоретической деятельности, касаются согласованного развития упомянутых символических понятий интеракционизма с перспективой формирования такого новейшего направления, как интерактивная герменевтика. Ограничения использования категории предпонимания касаются тех форм воплощения самой проблематики понимания и познания, что может быть обнаружена при сопоставлении (и согласовании) результатов, полученных феноменологией и философской герменевтикой с тем новым теоретически множественным смыслом, который ей приписывают современные философы, изучающие социальные аспекты бытия и познания.

Сущностная характеристика предпонимания

Одним из центральных философских вопросов является выявление сущности изучаемого объекта, процесса или явления и обоснование этих сущностных характеристик. Так, обосновывая сущностные характеристики понимания и выявляя его феноменологические основания, мы невольно выходим на такой уровень рассуждений, когда вынуждены производить так называемую феноменологическую редукцию, отвлекаясь от субъективных характеристик осуществления акта понимания, от всех побочных явлений, не имеющих отношения к смыслу, и от всех свойств его носителя. При этом реальность понимания и его сущность остаются предметом нашего эпистемологического анализа.

Но что является подлинным объектом – сущность понимания, или метод, с которым понимание демонстрирует себя, например, в символической интерактивности, в реальном акте коммуникации или во внутреннем акте познания? Метод, с помощью которого подлинная сущность понимания может быть раскрыта и предъявлена, состоит в следующем. В случае, когда возникает вопрос о том, является ли «нечто данное» подлинной сущностью, следует признать, что если это «нечто данное» действительно – сущность, то пытаться наблюдать это «нечто» попросту невозможно. И вот почему. Для того чтобы сообщить наблюдению определенную направленность на объект и его содержание (в нашем контексте – это содержание предпонимания), у нас уже должно существовать в качестве предпосылки нашего понимания сущности предпонимания восприятие этой данности в объекте. Иначе говоря, мы уже имеем некоторое представление о предмете нашего размышления – у нас есть предпонимание того, на что направлен наш познавательный поиск и по поводу чего мы строим (или выдвигаем) предположения.

Дело в том, что мы обладаем определенной долей знания о предмете или *предзнанием* сущности того предмета, о котором размышляем, или предметной области нашего исследования. Поэтому правомочны вопросы: *что есть предпонимание – нечто в пространстве сознания?* Или «нечто нечеткое», забытое и не получившее пока еще смысловую завершенность в виде конкретного образа, ясной мысли, артикулируемого суждения или идеи?

Наконец, предпонимание – это нечто, выступающее как некое предчувствие чего-то, что вот-вот обретет в сознании определенные, завершенные черты образа, мысли, идеи?

Характер всех этих вопросов показывает, что они так или иначе связаны с сущностными характеристиками феномена предпонимания, которое само по себе (как сущность) – ненаблюдаемое. Сущность как таковую мы наблюдать не можем. Сущность как таковая не является ни индивидуальной, ни всеобщей. Поэтому о сущности предпонимания как о данности, явленной в сознании, мы можем рассуждать только в терминах адекватности ему (нашему сознанию) того содержательного элемента акта познания, вектор которого направлен на понимание истинного смысла предмета нашего рассуждения и на котором завершается сама процедура (или сам процесс) познания. В этом случае мы вправе утверждать, что это «нечто» нами понятое является одновременно нашим знанием о предмете нашего размышления.

Предпонимание всегда содержательно наполнено и эмоционально окрашено, поэтому в феноменологическом смысле – оно всегда индивидуально. Но если допустить, что индивидуальная способность человека к предпониманию не является всеобщей, то и взаимопонимание людей в обществе и в реальной жизни было бы невозможно. Однако этого не происходит. Следовательно, предпонимание в его субъективном смысле – личностно субъективно и индивидуально, но в социальном смысле – оно всеобще.

Тем не менее мы можем размышлять о предпонимании на феноменологическом уровне. Сущность предпонимания в индивидуальном акте познания раскрывается через наблюдение «нечто такого», что уже усмотрено сознанием, «схвачено» им в моментальном акте *пред*-знания. Таким образом, феноменологическая характеристика предпонимания – это отражение некой «стабильной очевидности» реального мира и его объектов.

Поэтому суть предпонимания в акте познания мы можем понять, раскрывая смысл его и применяя к акту познания определенные, простые (и синонимичные) понятия, которые приобретают смысл только в отношении отдельных содержательных характеристик предметов размышления, отдельных актов восприятия.

Итак, при попытке дать сущностную характеристику категории предпонимания, мы впадаем в круг, объясняя сущность предпонимания, исходя из него самого. Преодоление этого фундамен-

тального препятствия возможно, по-видимому, в том случае, если мы уделим больше внимания месту предпонимания в процессе восприятия и формирования смыслов в актах понимания.

Специфика предпонимания обусловлена его детерминирующей ролью в субъективном акте восприятия, где оно играет роль некоторого основания, сцены, на которой разыгрывается «драма» понимания, и законы которой субъекту приходится постоянно учитывать (как приходится птице в полете учитывать законы гравитации). Структура и система предпонимания в этом случае не обязательно идентична структуре понимания, а смыслы «текста» или диалога образуют свою собственную систему, вызванную потребностями акта восприятия и функционирующую по своим внутренним законам. В этом случае предпонимание оказывается внешним явлением по отношению к пониманию. Таким образом, теория понимания – это дисциплина, которая не предшествует *феноменологии предпонимания* и не служит для нее основой, но следует за ней.

В своем полном объеме эта теория не может мыслиться как ограниченная предпониманием в смысле теории предпонимания; теория понимания – это учение о постижении смысла и обработке объективного содержания ценностных суждений, которые раскрывает познание. Но я не буду давать определение предпонимания как такового, поскольку дефиниции всегда вторичны в развитии познания. Тем не менее, по мере познания сущности предпонимания прояснится и смысл тех сопутствующих ему категорий и понятий, которые отвечают концептуальному содержанию рассматриваемых аспектов теории понимания. Задача исследования также сводится к тому, чтобы выявить тот концептуальный слой данности, который фигурирует как исходный пункт для философского анализа рассматриваемой здесь проблемы.

Близость понимания и познания – очевидна. Оба они (понимание и познание) занимаются осознанием того, что дано в мыслях. Поэтому предпонимание как осознание – это всегда феноменологический акт данного (или проявленного) в мыслях, «*сознания о...*». Опыт познавательной деятельности мышления приводит к знанию. Как нет познания без знания, так нет понимания *без* предшествующего ему предпонимания. И если понимание – это результат упорядоченного содержания предшествующего ему знания, то и предпонимание – это определенная (нерасчлененная)

целостность, неподдающаяся структурированию. Предпонимание следует рассматривать, скорее всего, как важный элемент в структуре теории понимания, которая в свою очередь сама является элементом структуры процесса познания в его завершающей фазе.

Проблема обоснования теории понимания, рассмотрение самого процесса понимания на его сущностном уровне, влечет за собой вопрос о том, в какой степени смыслы, создаваемые в процессе понимания, являются автономными и самодостаточными. Обусловлены ли они актуальными потребностями интерпретации, и в какой степени они предстают зависимыми от определенных теоретических и мировоззренческих установок, навязываемых нашему сознанию постулатами веры, знания, предрассудками, идолами разума и т. п.? Каковы корни этой глубинной зависимости и каково происхождение обусловленности нашего понимания (теории понимания) понятиями и концепциями предпонимания? Поиски ответов на эти вопросы неизбежно влекут за собой обращение к философским теориям и учениям, так или иначе затрагивающим многоаспектный феномен предпонимания.

Разыскивая в философской герменевтике, а еще раньше – в феноменологии – фундаментальные предпосылки идеи предпонимания, следует начать с обзора предшествующих концепций. Мы находим категорию предпонимание (хотя и в разных ее обликах) в трудах Макса Шелера, Фридриха Давида Шлейермахера и Мартина Хайдеггера. Эти философы вводят в свой научный аппарат такие, казалось бы, слабо связанные по смыслу понятия, как предубеждение, предсуждения, предпонимание, предпроект. И хотя эти концепции предпонимания далеки от современного понимания данного термина, например, в том смысле, какой придают предпониманию Ганс-Георг Гадамер или Поль Рикёр, тем не менее, именно у названных авторов мы обнаруживаем предвидения, существенные с точки зрения символической интерактивности.

Обоснование концепции символической интерактивности – это вопрос специального рассмотрения, который выходит из рамки данной статьи. Важно лишь подчеркнуть, что именно символический интеракционизм может служить той базой, которая помогает увязать концептуальный слой проблематики предпонимания (в ее эпистемологическом смысле) с концепцией диалоговой рациональности.

Предубеждение как мнимое значение

Немецкий философ Макс Шелер многими историками философии причисляется к феноменологам на том основании, что некоторые его идеи восприняты непосредственно от его современника и учителя Гуссерля. Эдмунд Гуссерль – основатель феноменологического движения в философии, в числе прочих выдвигал важную для нас идею фундаментальности философского знания. Он учил, что в фундамент философского здания могут быть положены только стабильные очевидности, поскольку *«без очевидности нет науки»*. Границы аподиктической очевидности заданы границами нашего знания, поэтому следует искать нечто настолько самоудостоверяющееся, чего нельзя отрицать. Последние аподиктические и неопровержимые данные он находит в сознании, существование которого непосредственно воспринимается и потому очевидно. В конечном итоге именно сознание оказывается единственной реальностью. Наконец, из самоочевидности сознания следует возможность исследования его как объекта философского анализа.

Такая философская установка изначально предписывает исследователю веру в существование мира вещей, которые следует рассматривать не как факты мира, а как феномены. Познание вещей в качестве феноменов осуществляется посредством очищения их в процессе анализа от словесных нагромождений, затемняющих понимание их истинного смысла. Трансцендентальное сознание конституирует смыслы вещей, поступков, институтов. Поэтому феноменологический анализ предполагает описание и анализ того или иного состояния сознания (его интенций), например угрызения совести, состояние стыда, святости, любви, справедливости и т. п., но всегда на уровне их сущности. Таким образом, феноменология – это наука, основанная на анализе и описании сущностей, но в отличие от психологии, которая также интересуется сущностями, рассматривает эти разнообразные феномены не как частные факты, а как универсальные сущности, наделенные общефилософским смыслом.

В противоположность идеалистической феноменологии Гуссерля реалистическая феноменология, представленная Шелером, ищет ответы на вопрос: почему ту или иную вещь следует рассматривать как ценностно ориентированную, а не как та-

ковую? Например, любовь – это движение, посредством которого любой индивидуальный предмет, несущий ценностный смысл, достигает наивысшей ценности, доступной пониманию его в соответствии с его идеальным назначением. Любовь приводит к возвышению любимого, но возвышает также и любящего. Понимающая любовь – это умение по одному выразительному жесту разглядеть линии ценностной сущности личности, независимо от всякого эмпирического и индуктивного познания, которое скорее эту сущность скрывает, чем проясняет. Поэтому не только этический прогресс, но и ценностный прогресс вообще Шелер связывает с образцовыми социальными личностями (например, гений, герой, святой). Он вводит *категорию общности* как нечто такое, что придает смысл и ценность личности, и строит на этой фундаментальной основе теорию общности.

В книге «Проблемы социологии знания»² Макс Шелер выдвигает проект, согласно которому социальное знание должно опираться на определенные, четко сформулированные представления о том, что представляет собой знание как таковое и каковы познавательные возможности человека. Согласно Шелеру, социальное знание должно подчиняться выражению того, что познавательные возможности человека социально детерминированы (первый закон социологии знания) и что знание принимает различные формы, подчиненные общественно обусловленным преобразованиям (второй закон социологии знания). Социальную группу Шелер понимает как форму бытия и существования, как важный элемент, посредничающий между бытием индивидуума и тем, что им познается. Но прежде чем индивидуум осознает собственное Я как ценностно-содержательное (уникальное и наделенное определенными творческими возможностями), он необходимым образом участвует в переживаниях других людей, сопереживая им и разделяя с ними коллективное Мы.

Социальные группы имеют в концепции Шелера душу (*Gruppenseele*) и дух (*Gruppengeist*). Десигнатам обоих терминов он придает статус субъектов, преимущественно психического свойства и содержания. Душа группы проявляется в создаваемых народом и сохраняющихся в культуре мифах, в народной религии, обычаях, обрядах, песнях, жаргоне, характерном для данной социальной группы. Генетически душа группы безлична. Способ

проявления духа группы – этого первого и самого низшего уровня социальной организации – связан с возможностью представления (или выражения) собственного Я через творчество, раскрывающее смысл его (сущность духа) в звуках, движениях, материалах (музыка, танец, создание материальных объектов искусства и быта). Иначе говоря, через духовный аспект жизнедеятельности как раз и происходит творчество смыслов. Эта способность возникает вследствие объективного понимания смыслового содержания произведений творческого Я, и этому этапу предшествует субъективное, непосредственно данное понимание правил получения смысла. Такое понимание, присущее исключительно людям и протекающее в символической плоскости, надстроено над целой гаммой способов нахождения знания, которое люди разделяют с другими людьми, живущим на Земле. Таким образом, *категория общности* подразумевается везде, где речь идет о специфике получения и передачи знания, неявно присутствуя во всех теоретических положениях, касающихся не только самого понимания, но и типологии знания, которую выстраивает Макс Шелер.

Процесс приобретения знания Шелер рассматривает, начиная с факта признания наиболее элементарного знания – знания об участии в обществе (т. е. своего рода социальное предпонимание как знание того, что человек является членом семьи, частью социальной группы, общества). Этот тип знания считается данным людям *a priori*; оно предшествует появлению сознания «Мы» и «Я», последнее содержательно осознается еще позднее, чем «Мы».

Необходимым условием восприятия других индивидуумов и участия человека в их переживаниях как раз и является знание своей принадлежности к группе. Индивидуальные формы проявления такого рода участия Шелер связывает со структурой группы. В группах с первичной структурой преобладает склонность к идентификации Себя с Другими. По мере развития групповых структур появляется тенденция к бессознательному «заражению» поведением «Другого», а затем – склонность следовать Другим. Поскольку предметом следования Другим становятся целенаправленные действия, то перед нами ни что иное как копирование и подражание, которое, происходя между поколениями групп, лежит в основе создания традиции и является процессом, конституируемым (создающим) возможность действий. Противоположным про-

цессом является способ наблюдения Другого сквозь призму собственной жизни. Рефлексивное знание, получаемое таким путем, также является социально детерминированным³.

Концентрируя внимание на направлении и мотивах познания, Шелер исключает содержание знания из области социального влияния на том основании, что человеческое сознание имеет постоянные, присущие ему самому области знания (третий закон социологии знания), коррелированные с предметными областями, которые наполняются содержанием в строгом порядке возвышения – от относительно однородного знания к строго организованному. Шелер подчеркивает, что социальное знание качественно и предметно отличается от других видов знания и выделяет три фундаментальных формы его организации.

Избавительное знание – знание на уровне верований, соответствует относительно однородному теологическому мышлению. Социальные формы этого вида знания: вера, религиозные группы и секты.

Формирующее знание – область рационального знания – так называемые школы мудрости. Им соответствуют разнообразные сферы научной деятельности и научные институты.

Особую область знания составляют формы мысли, сформулированные в языке, надстроенном над повседневным опытом познания – это научное знание, «научные и исследовательские организации позитивной науки»⁴.

Перечисленные виды знания и формы организации приобретенного знания следует отличать от мнимых форм знания, которые не имеют онтических эквивалентов. Содержание мнимого знания как раз и составляют предубеждения.

Предубеждения Шелер определяет как «конгломераты коллективных интересов и мнимого содержания знания». Предубеждения присущи всем людям ввиду их национальной, профессиональной, классовой, государственной или партийной принадлежности. Статус мнимого знания обусловлен «совокупным интересом» людей, лежащим в основании предубеждений. Предубеждения поэтому могут рассматриваться как особый вид знания, содержание которого имеет социальное происхождение, выводящееся из интереса конкретных социальных групп и только в их сфере сохраняющее свое значение.

В предубеждениях Шелер видит источник идеологий, возникающих в социальных контекстах как очередные «конгломераты коллективных интересов», оправдывающие системы произвольных и неосознанных предубеждений посредством ссылки на сознательную рефлексию. Содержание предубеждений в сочетании с идеологией составляют «публичное мнение», выражающееся в общих для данной социальной группы и ее окружения, оценочных формах.

Таким образом, характер любого человеческого знания остается в концепции Шелера бесспорно социологическим. Это связано с взаимообусловленностью форм духовных актов, в которых приобретает знание, с социальной структурой, в которой оно реализуется, получая социальное значение. Дух – равно в индивидуальном и групповом измерении – остается «фактором детерминации» знания. Тем самым он может выполнять также и негативную функцию, связанную с замедлением и торможением смыслов (в частности, может определять потенциальное качество знания в его культурном содержании). Однако он (дух группы, дух нации, дух класса и т. д.) не является «фактором реализации» того или иного вида знания. Только соединение идей, интересов, склонностей и тенденций косвенно дает возможность влияния на позитивный фактор реализации духа группы – действие и свободную волю.

Взаимообусловленность выбора предмета знания и способа его рассмотрения в структурных формах функционирования человеческих групп проявляется в осуществляемом каждый раз выборе форм функционирования мысли (определяемых как функционализация сущностных восприятий самих вещей). Фундаментальным фактором выбора здесь являются *предубеждения*, выражающие перспективы социальных интересов и лежащие в основе формирования общественного мнения, оценивающего воспринятое (группой) содержание форм знания вплоть до понимания этого знания в рамках рефлексии.

Как можно увидеть на примере идей Шелера, само понятие предубеждения, хотя и соотносится с предпониманием, и оба понятия могут характеризоваться как близкие, родственные, однако переход в социальную сферу исследования ясно показывает, что предпонимание непременно изменяет собственные сущностные характеристики, приобретая новый социально окрашенный смысл и новое место в концепции. Тем самым многоаспектный характер

предпонимания показывает перспективы, касающиеся как феноменологического поиска – прививка предпонимания к феноменологии, так и расширение концепции предпонимания за счет включения ее в социальные исследования.

Примечания

¹ Грановская Р.М. Элементы практической психологии. СПб., 2000. С. 264.

² См.: Scheler M. Problemy sociologii wiedzy. Warszawa, 1990. S. 3–67.

³ Там же. С. 30–31.

⁴ Там же. С. 29–30.